

{Polaris}

ТАЙНЫ

Безумной Батарей

Современный

коллективный

роман

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCXXIX

Salamandra P.V.V.

ТАЙНЫ БЕЗЫМЯННОЙ БАТАРЕИ

Современный
коллективный
роман

Публикация
Александра Степанова

Salamandra P.V.V.

Тайны Безымянной батареи: Современный коллективный роман. Подг. текста и публ. А. Степанова. Комм. М. Фоменко. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2017. – 52 с. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. ССXXIX).

Залихватский авантюрный детектив «Тайны Безымянной батареи» был чудом опубликован в «красном» Владивостоке в первые месяцы 1923 года. В числе авторов этого крошечного коллективного романа, до сих пор остававшегося неизвестным читателям – А. Несмелов, в будущем виднейший поэт русского Китая, и одаренный прозаик и поэт, странник и бродяга Б. Бета (Буткевич). Роман «Тайны Безымянной батареи», действие которого разворачивается на фоне бурных событий во Владивостоке в начале 1920-х гг., переиздается впервые.

© А. Stepanov, подг. текста, публ., 2017

© М. Fomenko, коммент., 2017

© Salamandra P.V.V., оформление, 2017

ТАЙНЫ БЕЗЫМЯННОЙ БАТАРЕИ

Современный коллективный
роман

ТАЙНЫ БЕЗЫМЯННОЙ БАТАРЕИ.

СОВРЕМЕННЫЙ КОЛЛЕКТИВНЫЙ РОМАН.

Современный политический
коллективный роман

Это захватывающего интереса произведение не принадлежит перу одного автора. Оно есть результат продуманного анализа пережитых событий, сделанного несколькими авторами. По затронутым темам, фигурам и обстоятельствам роман этот не лишен и большого чисто исторического интереса. В нем отразилась жизнь последних годов не только Владивостока и Приморья, но и жизнь России, Японии, Китая. Каждая глава романа имеет вполне законченное целое. Отдельные главы связаны друг с другом только единством основной темы, одними и теми же главными героями и действующими лицами.

ПРОЛОГ,

**из которого читатель узнает, что побудило группу лиц
заняться изучением тайн «Безымянной батарее»**

Дырявые, в сырую погоду присвистывающие и хлопающие ботинки, поношенная кепка, валявшаяся, видимо, не раз в лужах грязи, смокинг, приобретенный за пиджак на толкучке, брюки, состояние которых таково, что нельзя снять пальто, и пальто, которое нельзя тоже снять, ибо оно так ветхо, что снова бы его не одеть.

И вместе с тем гордый вид свободного независимого человека.

Сегодня есть возможность заработать полтинник. Даже это очень легко и нетрудно. Больше того — полтинник уже заработан, легко заработан свободным трудом, путем гениального применения одного только ловкого оборота и незаурядной смекалки.

Произошло это так.

Впереди по панели шел свист, затем следовало пошмаркивание давно нечищеным носом, потом одновременно выдвигался козырек кепки и довольно солидный, годный и для Ллойд-Джорджа нос. В самом конце сего шествия следовала фигура хозяина носа.

Душе было весело, но зато в желудке со вчерашнего вечера была одно грусть.

Группа воробьев на навозной куче уже завтракала, лакомясь даровым угощением. Солнышко грело так, что через очески ваты проникало до ребер. Мимо проехала телега с свежим, только что покинувшим печку хлебом, а в витринах висели колбаса и сардельки, такие же вкусные, как и недоступные. Все манило и раздражало. Прекрасная и радостная жизнь и все было бы отлично, если бы каждый шаг не зависел от денег.

Вот большой дом самого богатого человека в городе. Владелец его, видимо, еще нежится в мягкой и удобной по-

стели, а слуги с самого раннего утра заняты работой на своего господина.

Дико визжит поросенок, которого режет белоснежно одетый повар, а два подповаренка поотрубают головы по крайней мере десятку цыплят. В конюшне кучер чистит лошадей, а шофер заводит все время одну машину за другой, осматривая каждый винтик и в сотый раз протирая тряпкой каждое лакированное место блестящего Мерседеса.

Проснулся давно уже швейцар и в ожидании звонка барина по складам прочитывает свежие газеты, чтобы узнать, что делается на белом свете. Вот прочел о смерти испанского министра, объявление о каплях датского короля и водит пальцами по газете, ища, нет ли где-нибудь что-нибудь по родную саратовскую деревню. Далеко Саратов, далеко Муздыряловка и господам, видимо, до ее нет дела.

В столовой накрыт стол, шумит самовар и слуга уже несколько раз прислушивался к спальне господина, но там было тихо.

Барин был вдов. Пришла его старая сестра, жившая у него за экономку и очень беспокоилась, почему так долго нет барина. Прождав полчаса, она решилась войти к брату, открыла дверь и в ужасе отскочила, повалилась замертво и чуть было удержал ее подбежавший слуга

В комнате было все в ужасном беспорядке. Денежный шкаф был открыт и все его содержимое валялось на полу. Около оттоманки лежал труп барина с перерезанным горлом. На трупе была приколотая булавкой бумажка с таинственными буквами, написанными от руки красным карандашом:

«Б. Б.»

Успокоив барыню, слуга бросился к швейцару и через минуту уже вся челядь дома знала о совершившемся в доме ужасном преступлении.

Швейцар, наскоро одев бекешу, бросился бежать за властями и, выходя из крыльца, столкнулся с нашим героем, едва не сбив его с ног.

— Что вы, очумели, что ли? — спросил тот, поднимая с земли слетевшую с головы кепку.

— Да очумеешь тут, — сказал швейцар, — когда барина у нас зарезали! — и бросился бежать.

Эх, читатель, что иногда значит в руках умного человека хотя и случайно брошенная отрывочная фраза. В голове нашего героя созрел мгновенно гениальнейший план.

— Такого богача... зарезали!.. — смекнул он что-то, улыбнулся и полетел быстро в обратную сторону.

Он через минуту был у заветной цели. Вот «бюро похоронных процессий».

Он попытался войти туда, но ему еще, когда он только что открыл дверь, махнул рукой приказчик:

— Уходите, — дескать, — здесь ничего не подают.

Однако он настойчиво прошел вперед и сказал:

— Я не нищий, просящий милостыню...

— Что вам угодно? — грубо спросил приказчик.

— Мне угодно заработать полтинник.

— Убирайтесь отсюда!

— В таком случае, я пойду к вашему конкуренту!..

Слово «конкурент» возымело свое действие.

— В чем же дело, черт вас возьми? — закричал бюропохоронщик.

— У меня есть секрет. Сейчас умер в городе очень богатый человек и я случайно узнал эту новость.

Лицо приказчика сразу приняло более миловидное выражение и он, покинув прилавок, на котором он вколачивал гвозди в какой-то маленький гроб, вышел к нашему герою и, хотя в магазине никого посторонних не было, вел с ним совершенно конфиденциальный разговор.

При имени богача, отдавшего душу Господу, приказчик пришел в такое радостное настроение, что, вынув немедленно серебряный полтинник, с дружеским рукопожатием вручил его нашему герою, пожелав ему дальнейших успехов и галантно предупредив, чтобы в случае другого по-

добного же случая не миновать этого же похоронного бюро и не заходить ни в каком случае к конкуренту.

Итак, полтинник в кармане!

Свернув с Китайской, наш герой прошел по Светланке и уже не так внимательно и досадливо посматривал на витрины магазинов и в окна кафе.

В кармане приятно перекатывался полтинник.

Свернув на Семеновский, наш герой прошел в китайскую лавчонку, где и stráвил весь полтинник, получив за него папиросы, водку, колбасу и булку.

Вышел он в приятном настроении, какое бывает у каждого человека, когда он сделает удачное дело.

— А где же я расположусь со своим завтраком? — подумал он и, не тратя зря времени, направился в сторону Безымянной батарей.

Он сел так, чтобы видеть море, разложил свою закуску и прилег.

Выпив и закусив, он закурил папиросу и предался мечтам.

— А ведь на смерти этого богатого человека, — подумал он, — я мог бы и еще заработать?

Он стал обдумывать план дальнейших действий.

Проекты и планы родились в его голове один за другим. Он уже мечтал о том, что заработает так много, что в состоянии будет снять себе комнату и раз навсегда покинуть стены ночлежки. Неожиданно судьба положила предел его мечтаниям.

Внезапно выскочили из-за орудия два вооруженных типа и закричали:

— Ни с места! Руки вверх!

Они взяли его и повели на Полтавскую № 3.

Газеты города зашумели про убийство. Оно было полно самых загадочных обстоятельств. Таинственнее же всего были эти буквы, написанные красным карандашом:

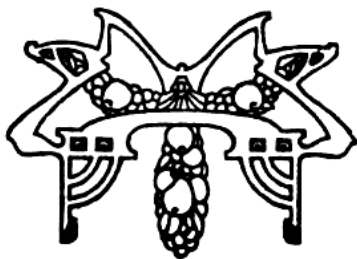
«Б. Б.»

Что они означали? Были ли это инициалы лица, совершившего преступление?

Весь город только и говорил об убийстве. У некоторых возникло предположение, что таинственные буквы означают название «Безымянной батареи», уже известной по многим уголовным историям в городе.

Было ли правильно это предположение? Этим вопросом были заняты умы многих в городе.

А тут еще найденный труп неизвестной молодой женщины на этой же батарее, событие, взволновавшее город не менее, чем убийство богача. Внимание всего города сосредоточилось на тайнах, окружающих Безымянную батарею. Имя Безымянной батареи было у всех на устах.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I-ая

Некоторые занимательные подробности об окрестных видах

Нечего и говорить, что таинственная смерть особы в богатом доме незамедлительно загремела зычными голосами газетных столбцов. Плакаты на заборе возле москательного отделения т. д. Кунст и Альберс прямо-таки вопили:

— Убийство миллионера и две буквы!

— Кто убил его?

— Почему убитый не побрился и каковы его отношения к воинской повинности?

— Следы на тротуаре...

Всеволод Иванов прогудел передовую, опять похожую на *causerie*¹ читающего «Русскую быль», а также на сонет без рифмы и длиною в 84 строки «черненького».

Известный всему городу профессор, еще раз прикрываясь именем Виктора Эремита, напечатал статью, где говорилось категорически, что евразийство в данном случае столь же несостоятельно, как и Алексей Ремизов со своим обезьяньим орденом, и по существу приходится констатировать еще один пример злоупотребления приемом «оксюморон».

Но достаточно о газетах. Пора обратиться непосредственно к жизни — к первоисточнику всех наших радостей и тревог, как говорил еще в недавнее время один туземный поклонник Бергсона, ныне поступивший тапером в чайный домик четвертой руки — на Иеносу в Нагасаки.

Итак, голоса газетные были до чрезвычайности зычные; но коль скоро глухота проходила, читатель убеждался, что

¹ Непринужденный разговор (*фр.*). (Здесь и далее *прим. ред.*).

о таинственном убийстве он ни черта, — простите, читательница, — не знает.

Таким образом, два молодых бездельника, после двух порций китайского «самовара», отменно сваренного, запивши это кушанье настоящим императорским чаем, поднялись и вышли на Семеновский виадук.

— Что же делать? — начал тот, который был пониже ростом и в американских остроносых ботинках. — Время — первый час... Знаете, дорогой, не заняться ли нам дедукцией?

— Что? — отозвался тот, который был повыше и тоже в американских башмаках, но только коричневого цвета и, щурясь, отвернулся от пыльной завесы, которую опять нес ветренный вздох с залива.

— Я говорю, не заняться ли нам изысканиями вокруг этих убийств? — продолжал первый. — Именно: едем смотреть убитую. Она, кажется, в покойницкой Морского госпиталя...

Мимо, пофыркивая глушителем, проезжала мотоциклетка с колясочкой, — друзья сделали знак и, разместившись экстравагантно, с воем и рокотом мотора помчались вверх по Алеутской.

Им довелось порядочно похлопотать в госпитале, — охаживать дежурного ординатора, ждать у старшего врача, пока, наконец, им разрешено было осмотреть покойницу. Их провели в мертвецкую...

— Слушайте, да я ее знаю! — сказал с живостью меньшей.

И он подошел ближе к столу. Особенности в обстановке: пронзительный морозец от неживого, острый дух, пасмурное освещение, труп девушки, которая, разметав отчаянно волосы, но еще нарядная шелковой серой кофточкой и шотландковой юбкой, шелковыми чулками (туфли, по-видимому, потерялись), лежит, окостеневшая, выделяется шрам на ее бледной щеке, — все это совсем не взволновало новоявленного сыщика.

Он пытливо наклонился над мертвой. Он взял ее правую руку и, отогнув, засучив ей рукав выше локтя, громко

свистнул:

— Вот!.. Ну, дорогой мой, я — Арсен Люпен. Взгляните: я знал, что найду это!

На мертвой коже тонко, а теперь синевато, были выцарапаны две буквы: Б. Б.

Из разговоров со сторожем выяснилось, что убитая действительно служила кельнершей в одном из ресторанчиков близ Мальцевского. Зовут ее Ниной Андреевной Локутовой. Барышня была интеллигентная, но шальная, понюхать любила и всякое такое; от родных отбилась. А находится она здесь по просьбе родственников, есть у нее родственники во флоте.

Друзья молча ехали в трамвае от 2-ой Матросской до «Золотого Рога». На углу Алеутской они покинули вагон и скорым дружным шагом бросились вверх по Светланской. Лишь около Корейской они переглянулись:

— На Безымянную? — спросил высокий.

— Ну да, — отозвался низенький.

Но Безымянной батарее нашим героям пришлось любоваться лишь издали: японские солдаты, расставленные цепью, не подпускали любопытных ни к орудиям, ни ко входам в казематы.

Приятелям довелось принять рассеянный вид «космополитов, эстетов и поклонников искусства», — созерцать залив поодаль. А простертая внизу водная нива была темна окраской в этот пасмурный час. Пена валов всплывала здесь и там, темный парус шаланды качался, отдаваясь медленно, но неуклонно — шаланда шла, по-видимому, к Янковскому.

В силу вышеупомянутых сторожевых цепей из японских солдат на одной из батарей бывшей Владивостокской крепости, — всем лицам, заинтригованным двумя убийствами; на удивление дружно все, даже самые малограмотные и нигде не дипломированные обыватели Владивосто-

ка сгрудились перед плакатами, что возле москательного отделения т. д. Кунста и Альберса, а также начали свирепую облаву на газетчиков, т. е. на подростков и на взрослых китайцев, торгующих в розницу произведениями периодической печати.

В редакциях гудело небывалое одушевление. Демоны репортажа (имена их незачем перечислять, ибо в каждой редакции имелся свой демон или демоненок), демоны репортажа строили сообща или в одиночку соображения о том, кто, что, как, почему...

В одном месте решили, что загадочные буквы Б. Б. обозначают инициалы имени и фамилии пишущего эти строки.

В другой редакции определенно решено было, что Б. Б. — это Б. Лобановский.

Циркулировала версия почитать Б. Б. за Б. Т. — псевдоним Б. И. Тугаринова, который в это время с мистическим видом скупал фабрикаты вр. хабаровского купца Ласькова в районе Мальцевского и цитировал на ходу Сольвея.

Однако все редакции пришли к единодушному решению, что на Безымянную батарею следует послать коллегия из специалистов не только по репортажу, но грамотных и в артиллерии.

Такая коллегия в составе М. Юинга и г.г. Клярена, Ноэля, Л. А. Сильницкого и младшего из Маркиных, — кажется, устроила пеший рейд на Безымянную батарею и выяснила...

И выяснила, что японское командование почему-то вдруг стало к Безымянной батарее равнодушно очень. И даже весьма очень.

В газетах появилась нота, которую называли вербальной, а покойников тем временем похоронили.

Борис Бета.

(Во вторник будет II-ая глава, написанная А. Несмеловым).

В восемь часов вечера того дня, когда два бездельника в остроносых американских ботинках занимались дедукцией, к дому Коврова, на 5-ой Матросской, подошел молодой человек в сером летнем пальто и черной широкополой шляпе, надвинутой на самые брови

Опасливо осмотревшись и убедившись, видимо, что он один, а заведеревшая улица ничем ему не угрожает, — молодой человек стукнул три раза в дверь.

Через минуту дверь осторожно приотворилась. В щель выглянуло старушечье лицо. Затем звякнула снятая предохранительная цепочка и старуха прошептала:

— Входи скорей.

Молодой человек очутился в темной маленькой прихожей. В страшном изнеможении он сел, покачнувшись, на сундук.

Из соседней комнаты в узкую дверную щель пробирался косой и желтый луч зажженной уже лампы.

— Вот, — сказала старуха, — убили Ниночку...

И всхлипнула.

— Как же быть, Глеб?

Молодой человек встал.

— Они еще не были в ее комнате? — сдавленным шепотом спросил он.

— Нет.

— Пойдем.

Через маленькую, нищенски обставленную столовую они прошли в дальнюю каморку. Несмотря на убожество квартиры, в этой комнате чувствовалось, что здесь жила женщина, любившая некоторый комфорт и шик. Пахло хорошими духами. На столе, перед прекрасным зеркалом в массивном серебре — стояли изящные дорогие безделушки.

— Как же быть-то, Глебушка? — заплакала старуха, садясь на постель, покрытую лиловым шелковым одеялом. — Ведь если они Локутову убили — и до нас завтра доберутся?

Глеб брезгливо поморщился. Видимо, его оскорбляло то, что старуха обращается к нему как равному и соучастнику.

— Оставьте меня здесь одного, — сказал он.

Старуха вздохнула и замялась.

— Что? — спросил молодой человек и в его голосе слышалась сталь.

Хищное и желтое лицо женщины вздрогнуло. Она поспешно вышла.

Заперев за нею дверь на задвижку, молодой человек почти в полном отчаянии сел в камышовое плетеное кресло. Медленным движением достал из кармана пальто черный «Веблей».

Казалось, он хочет убить себя. Потом он закрыл глаза. Глубоким дыханием втянул в себя душистый, пахнувший женщиной воздух.

И — точно очнулся.

— Надо! — хрипло сказал он.

И встал.

Отбросил, почти оторвал от пола японскую циновку. Нажал на половицу. Один конец ее поднялся.

Глеб вынул доску.

Он шарил руками в дыре.

— Вот!

Он достал кожаный саквояж. Поставил его рядом. Привел в порядок пол.

Потом опять сел в плетеное кресло и, держа на коленях саквояж, раскрыл его.

В нем лежала **препарированная формалином, коричневая уже, как кожа саквояжа, человеческая голова**. Она, судя по седеющим и коротким волосам, принадлежала мужчине лет 50-ти.

— Вот ты опять у меня! — сказал с тоской Глеб. — Ты, кому подчинялось...

Он не договорил.

Его охватывал суеверный ужас. Ему казалось, что голова поднимает коричневые веки.

Глеб бросил ее в саквояж. И встал. На пороге его встретила дрожащая старуха.

— Там? — спросила она, показывая на саквояж. Глеб кивнул толовой.

.

Но вернемся к бездельникам в остроносых американских ботинках. Один из них, конечно, Борис Бета.

Другой... С другим я не знаком. А с незнакомыми разговаривать неприлично.

К вечеру они угостились уже шестью порциями китайского «самовара» и поэтому им было не до дедукции — дай бог до дому по индукции добраться.

Все-таки оба влеклись.

Вдруг на углу Алексеевской и Светланской к ним подскочили трое. Все в черном. Все в масках. В руке у каждого по нагану.

— Стой!

— Трудно, но стоим, — пошатываясь, ответили бездельники.

— Вы Борис? — спросил глухой голос из-под маски.

— Борис, — ответил Бета.

— Вы Бета? — еще глуше спросила маска.

— Бета, — признался Борис.

— Так, значит, — закричала маска. — Вы и есть **Б. Б.**

Чувствуя, что приближается смерть, Б. Бета схватился за сердце.

Оно, решив, что все равно помирать, почти не билось.

Писатель задохнулся.

«А дух возьмут служить в библиотеках», — процитировал он сам себя.

Вдруг рядом раздался крик:

— Стойте, стойте! Это роковое совпадение!..

Между бездельниками в американских ботинках и масками выросла стройная фигура Глеба. В руке у него был коричневый саквояж.

— Скорей следуйте на Безымянную батарею, — строго сказал он маскам. — Магистр уже там. Бойтесь автомобиля № 357. А вам, — обратился Глеб к Борису Бете, — я советую переменить псевдоним.

Видя, что на глазах писателя навертываются слезы, Глеб сжалится:

— Ну, имя можете переменить — это все равно, — сказал он и вдруг отпрянул к стене: мимо них, светя ацетиленовыми глазами, промчался автомобиль № 357.

Арсений Несмелов.

ГЛАВА III

О том, что еще неизвестно читателю

Досадный сумбур событий, образовавшийся в головах граждан города Владивостока в связи с несколькими печальными историями на Безымянной батарее, усиливался. Существовавшая власть двух прохвостов, захвативших бразды правления при помощи японцев, не только не содействовала раскрытию преступлений, а всячески через своих агентов способствовала тому, чтобы запутать таинственный клубок, образовавшийся вокруг имени заброшенной и запущенной батареи на берегу Амурского залива.

Одновременно в городе увеличился и оригинальный род преступлений, о которых говорилось всеми почему-то втихомолку. Характер этих преступлений был поразительно однообразен.

Вдруг какое-нибудь лицо, притом обязательно состоятельное, исчезало. Иногда в особенно удачные дни исчезало сразу по несколько состоятельных лиц.

Вместо исчезнувших неизменно оставался ворох писем, в которых авторы умоляли своих жен, родственников и сослуживцев внести известную мзду по адресу, который можно узнать «там-то», и тогда, дескать, исчезнувшее лицо вновь появится на владивостокском горизонте.

Жены лазили по всем кубышкам, фирмы рвали волосы на себе, но деньги все же уплачивалась в неизвестное казначейство, а через некоторый промежуток времени исчезавшее лицо, как после сыпного тифа, бродило тенью по улице и на вопросы знакомых отвечало:

— Тише, тише. — Был в сопках... едва вырвался оттуда! 50 тысяч заплатил, последние.

На самый же интересный вопрос о том, где эти «сопки», еще более конфиденциально отвечал:

— Мимо ходим... и вы, и я...

Обыватель оглядывался и в зависимости от того, где происходил разговор, по инерции думал, что сопки — это «Версаль», «Русь», а некоторые даже подозревали дом присяжного поверенного, у которого проживало иностранное консульство.

Стоило, однако, обществу вздрогнуть от кошмарных убийств, прогремевших в печати, как в неумной голове обывателя родилось предположение:

— Сопки, куда уводят купцов и домовладельцев, это и есть Безымянная батарея.

Заседание городской думы сегодня было особенно бурным. Гласные-окраинцы и гласные центра никак не могли поладить между собою и достигнуть единения по весьма-таки смачному вопросу:

— «О постановке памятника почетному гражданину города Спиридону Дионисьевичу Меркулову».

Окраинцы настаивали, чтобы памятник был обязательно в Гнилом углу, настолько исключительной достопримечательности Владивостока, что у противников не находилось возражений.

В самом деле, где есть еще на земном шаре другой такой город, у которого был бы Гнилой угол?

Гласные центра не соглашались с такой точкой зрения. Они отстаивали необходимость постановки памятника на сопке против Золотого Рога, для того, чтобы фигура столь знаменитого гражданина города была видна всем прибывающим в порт иностранцам.

Эта именно точка зрения и возымела верх. Возник лишь жаркий спор о том, как поставить фигуру высокоблагенного Спиридона — обращенной к заливу или обращенной к городу.

По сему поводу гласный, доктор Кестлер, произнес высоко прочувствованную речь.

Он сказал:

— Фигура уважаемого согражданина должна быть обращена лицом к заливу, чтобы оказать уважение приезжающим во множестве иностранцам.

По сему поводу последовало справедливое возражение:

— Если поставить фигуру лицом к заливу и тем оказать уважение иностранцам, то фигура окажет полнейшее непочтение гражданам города, будучи обращенной к ним спиной и прочими неприемлемыми частями тела.

В результате жарких прений и целого ряда предложений голосовалось закрытой баллотировкой предложение инженера, заведующего городскими электрическими сооружениями:

— Поставить вертящийся памятник, с тем, чтобы во время прихода судов он был обращен к заливу и тем выказывал уважение прибывающим иностранцам, а в остальное время был бы обращен к городу, оказывая уважение его согражданам.

Сие постановление большинством шаров было принято.

Когда Лев Толстой писал свою «Войну и мир», он на это дело употребил несколько лет, поэтому весьма возможны технические несовершенства нашего коллективного произведения, которое не насчитывает еще и года своего существования и не намеревается продолжаться более года.

По прошествии года авторы предполагают начать новый роман, который затмит предыдущий.

Мы считаем необходимым сделать эту оговорку прежде, чем придем к необходимости развить фабулу нашего романа, каковой момент уже наступил.

Теперь уже совершенно ясно, что ни один из авторов этого романа не был причастен к тому, что произошло.

Таинственные буквы «Б. Б.» не принадлежали ни одному из журналистов или поэтов. Это были инициалы анархической организации, работавшей под псевдонимом «Безымьянная батарея». В какой степени знакомая всем владивостокцам, а аборигенам Семеновского базара и Корейской и Базарной улиц в особенности, Безымьянная батарея была прикосновенна к выше описанным событиям, будет видно из дальнейшего, но главное все-таки было не в этом.

На крайней оконечности мыса Чуркина стояла сторожевая башенка. Уже давно она была заброшена людьми. Внизу бились волны, но бились слабо, едва-едва отражая кипучую жизнь моря.

За последнее время эта башенка сделалась центром внимания группы лиц. Сюда приходили они по одиночке и подолгу не задерживались.

Что их тянуло сюда, к этому неуютному месту?

А вчера, будто бы вследствие порчи винта, задержался здесь во время очередного рейса в Цуругу «Хозан Мару» и принял с джонки двух пассажиров. Нам не удалось заметить их лиц, но у каждого из них было по объемистому мешку.

А одновременно с маньчжурским уехали три подозрительных субъекта, осторожно пробравшись в вагон III класса и строго следившие за провозимым ими багажом, который они положили в вагоне на верхнюю полку.

С. Наумов.

Содержание предыдущих глав

В городе произошло кошмарное убийство богача. Преступники оставили записку с двумя загадочными буквами «Б. Б.». Возникло предположение, что буквы эти означают название «Безымянной батареи». На батарее был найден труп убитой молодой женщины. Герой романа был захвачен на Безымянной батарее и уведен на Полтавскую № 3. Во время поднявшегося интереса к событиям была обнаружена другая находка — человеческая голова.

Глава IV

Как интервьюировали репортера. Первое чудо

В дом № 3 на Полтавской улице с самым решительным видом влетел щуплый юноша в блинообразной кепке, пальто неопределенного цвета «с искрой» и в пенсне на длинном носу. Это был сотрудник одной из вечерних газет, известный под шутливым наименованием «Демон репортажа». Энергичный репортер сделал попытку, не говоря ни слова, пройти вглубь здания, по коридору налево.

Но не тут-то было.

Какой-то цербер полуштатского, полувоенного вида немедленно ухватил его за пуговицу:

— Э-э, постойте, молодой человек. Куда это вы разлетелись?

— Туда, куда нужно. Предоставьте знать мне это самому.

— Ну, нет, начальству виднее.

— Мне надо начальника информационного отделения.

— Но это не значит, что господину начальнику надо вас...

— Я репортер...

— Тем более.

Разговор сделался казенно лаконичен.

Если юноша был «демон репортажа», то говорящий с ним был не менее, как черт, и самого придирчивого характера.

Из щелей повыползло еще пять личностей, которые тишком внимательно и бесцеремонно рассматривали со всех сторон репортера.

Видя, что толку здесь не будет, репортер круто повернулся и выскочил на улицу, решивши около дома дожидаться начальника этого «славного» учреждения — на предмет интервью.

Приняв рассеянный фланирующий вид, он сначала несколько поднялся вверх по Полтавской, а потом пошел снова вниз.

Он уже почти миновал дом № 3, как вдруг прямо в щеку ему ударился какой-то нетяжелый маленький предмет. Репортер быстро нагнулся и поднял маленький комочек бумаги.

— Разрешите прикурить! — как из-под земли (или, по крайней мере, из подворотни) выросло перед ним гороховое пальто с черными усиками, бойко закрученными вверх.

«Видел или нет?» — репортер сжал бумажку в руке:

— Извините-с, не курю!

«Пальто» подозрительно прикинуло его на глаз и куда-то исчезло, провалилось, совсем как черт на провинциальной сцене.

— Слава Богу, не видел! — вздохнул легко «демон репортажа» и быстрой «хронической» походкой свернул на Светланку.

Усевшись за столик в уголке шумного клуба инвалидов, он развернул эту свалившуюся с неба бумажку.

На ней какими-то странными рыжими чернилами было нацарапано:

«Ради Бога, передайте записку Нине Георгиевне Локутовой».

И дальше:

«Сибирская жизнь. Жутко очень. Крайбург у ней. Целую кошечку мою морскую. Горячо Кеша. Вчера второпях забыл огородить свою этажерку. Знаешь Жака? Пока помолитесь за Гителя. Он белый, как жатва».

В самом низу был указан адрес: Светланская, самый центр, номер дома и квартиры.

— Рехнулся, бедный! — присвистнул репортер. — Пишет убитой, да еще такую чушь.

И из сочувствия несчастному узнику — ибо, вне всякого сомнения, записка была брошена из окна «узилища», демон репортажа потребовал водки...

После второго пузатенького графинчика кельнерши показались ему прекрасными, жизнь интересной, а странное письмо — имеющим некоторый смысл.

И, не откладывая в долгий ящик, он, расплатившись в ресторане, пошел по указанному адресу, — благо это было очень недалеко.

Войдя во двор дома, помеченного в записке, он увидел прямо перед собой и дощечку с нужным номером квартиры.

Поднялся на 3 этаж. Позвонил у двери, не имеющей ни какой карточки.

Через минуту дверь открылась. Перед «демоном» стоял «ангел»...

Впрочем, вероятно, эта девушка была красивее ангела, там как все ее природные прелести были еще усовершенствованы искусной портнихой. Темное платье сидело на ней великолепно, подчеркивая белоснежность кожи рыжеватой блондинки и не закрывая шелковых чулков со стрелками над модными остроносими полуботинками коричневого шевро. Лицо ее выражало растерянность.

— Вам кого? — чуть слышно прошептала она, невольно отступив на шаг перед галантно расшаркивающимся «демоном».

— Могу я видеть Нину Георгиевну?

Лицо девушки порозовело:

— Здесь нет никакой Нины Георгиевны, — еще тише

проговорила она.

— Может быть, вы все-таки прочтете эту записочку? — не отставал энергично «демон» и протянул записку.

Едва девушка бросила взгляд на записку, она побледнела и воскликнула:

— Вы от него? Значит, вам можно доверять?

— О, еще бы! — в восторге пропел журналист.

— В таком случае... Я... Нина Локутова!

Бедняга даже попятился:

— Ну вот, ну вот! Не надо было пить второго графинчика.

— Виноват-с. — Но как же, сударыня, вы, так сказать, вас, так сказать. — Извините за выражение, но ведь вы убиты-с?

— Они не нашли меня...

— Мадама! купи аперсина. Шибко дешево! — в комнату нахально влез китаец с лотком. Лицо его показалось странно знакомым репортеру. Впрочем, все китайцы на одно лицо.

— Цубо! — и нахальный ходя вытолкнут за дверь разъяренным «демоном».

Девушка сидела в кресте, слегка испуганная.

Она была так прекрасна в этом полумраке мало мебелированной комнаты. В сердце журналиста что-то затеплелось.

Остро вспомнились мужские имена, которыми так изобиловала записка.

— А кто такие Крайбург и Жак? — не вытерпел он.

Девушка весело засмеялась:

— Смотрите! — она быстро схватила карандаш, зачеркнула все четные слова, и в каждом оставшемся слове вторую половину.

Протянула бумажку собеседнику. Теперь ясно было можно прочесть: «Сижу крайней каморке второго этажа. Помогите бежать».

Г. Травин

Содержание предыдущих глав

В городе произошло кошмарное убийство богача. Преступники оставили записку с двумя загадочными буквами «Б. Б.». Возникло предположение, что буквы эти означают название «Безымянной батареи». На батарее был найден труп убитой молодой женщины. Герой романа был захвачен на Безымянной батарее и уведен на Полтавскую № 3. Во время поднявшегося интереса к событиям была обнаружена другая находка — человеческая голова. В дальнейшем оказывается, что вместо Нины Локутовой убита какая-то другая женщина, а Локутова скрывается в одном из больших домов на Светланке. Она получает зашифрованную записку от заключенного в д. № 3 по Полтавской ул. с просьбой о помощи.

Глава V

Харбин еще раз в роли папы

Как заметил читатель, герои нашего романа весьма предприимчивы в способах передвижения — еще один Фоккер и одна какая-нибудь субмарина, и все существующие виды передвижения будут налицо в нашем коллективном труде.

Но пусть на Фоккере летает в позднее время в Улисс Арсений Несмелов, если, однако, выдержит это путешествие его лирическое сердце; а субмарина ждет давно у подножья Безымянной батареи Н. В. Кока.

Мои герои через харбинскую вокзальную площадь пошли пешком, — драндулеты, фаэтоны извозчиков, купе такси и автобусов, все это осталось без внимания.

Их было двое: высокий и низенький, оба в коротких американских пальто и фетровых шляпах. Высокий нес в левой руке трэнк¹ коричневой кожи, внимательный глаз

¹ От *англ.* trunk, дорожный сундук, чемодан.

заметил бы серию цветных отельных наклеек, где особенно отчетливо читалась этикетка гостиницы «Ямото» — не однажды; а т. к. гостиница с этим названием имеется почти при каждой крупной станции корейских железных дорог, — то можно сделать вывод, что лицо, путешествовавшее с трэнком, когда-то медленно продвигалось по Корее...

На Вокзальном проспекте владивостокские путешественники зашли под ворота многоэтажного дома. В тесном дворе они продолжали шагать столь же уверенно, как и на улице: через узкий коридор между каменными флигелями они прошли к дверям японской фотографии и, отпахнув застекленную и занавешенную зеленой тафтой дверь, очутились в приемной фотографии. Там за столом сидел японец в синем керимоне и в роговых американских очках.

— Ибо-сан? — спросил высокий.

— Дозо, дозо¹, — закланялся японец и, вежливый чрезвычайно, шумно втянул воздух.

Приехавшие прошли четырехаршинную приемную и одинаковую площадью лабораторию, где у стены были устроены низенькие нары для сна. За лабораторией была комната без окон, в ней горело электричество, на письменном столе лампа в низком зеленом абажуре. А от стола обернулся человек, блеснули стекла его очков.

— Добрый день! — говорил по-французски высокий и поставил трэнк к стене. — Вот и мы. Как ваши дела?

Сидевший помолчал, наблюдая, как разоблачаются от своих пальто приехавшие.

— Да, с вами всегда будут отличные дела, — заговорил он низким голосом, но быстро и шепеляво, как истый парижанин.

— В чем дело? — воскликнул высокий.

— А в том, что вы стоите за последнюю неделю две тысячи четыреста франков, дорогие друзья. И что сделано вами?.. И вы, конечно, привезли голову?

— Да, привезли, — ответил высокий, вынимая трубку и резиновый кисет.

¹ Здесь: пожалуйста, входите (яп.).

— А почему, спрашивается? — встал француз из-за стола, седоватые его волосы вздрагивали от волнения. — Вы не желаете исполнить директив? Может, вы не желаете служить у нас?

— Позвольте... — поднял руку высокий.

— Позвольте мне, — вскрикнул стариковски жидко француз. — Извольте дать мне исчерпывающий рапорт... Вот: что за девушку убили вы?

— Пустяки. Кельнерша из маленького ресторанчика...

— И зачем?

— Она знала про голову...

Продолжилось томительное молчание.

— Господин Глеб! — заговорил француз. — До сих пор мы были хорошего мнения о ваших способностях. Вы молодой офицер генерального штаба или жандарм, что ли... Но теперь я убеждаюсь, теперь я решительно вижу, что вы просто — несостоятельный человек.

— Минуточку, — поднял руку названный Глебом. — Благодарю вас за комплименты. Разумеется, вашему штабу виднее. Разумеется, ваш план с этой головой, эта голова Ми...

— Нет! помимо глупости, вы еще и трус! Вы русский заяц, которому только деньги.

— Стоп!.. Я уверен, что вы ошиблись, употребляя последние слова? — спросил высокий дрожащим голосом.

Собеседники смотрели внимательно друг на друга. Очевидно, они поняли прочтенные мысли, — электричество разом потухло, грохотная вспышка выстрела уронила в темноте где-то тело, а когда опять засветилось под зеленым абажуром, стало видно, что упал высокий Глеб, а у спутника его лицо бледно и взгляд тосклив.

— Вот, — сказал француз, преодолевая одышку астмы. — Вот как расправляются с нигилистами... Ну, а вы что скажете?

— Я в вашем распоряжении, полковник, — ответил уцелевший негромко.

— Ну, посмотрим. Поезжайте сейчас к Зеленому. Голову оставьте здесь. У вас есть на расходы?

— Да.

— Возьмите и у него, господин Андрей...

И, взяв бумажник у мертвого из пиджака, господин Андрей откланялся и, как побитый, выбрался из ночной комнаты. Он отказался от японского чая и вышел под открытое небо. Лицо его было в испарине.

На этом я окончу пока.

И припишу пару строк *pro domo sua*: в одной из глав нашего романа я был выведен как *persona dramatis*¹. Эта дружеская популяризация имени Бориса Беты, возможно, что повлияла невыгодно на читательский интерес. Поэтому заверяю читателя:

1) Что я в романе не участвовал, а участвовал, так на паритетных условиях с Арсением Несмеловым. И еще:

2) Что хотя наш редактор С. П. Наумов назвал меня вчерашний день гением (сравнительно с поэтом Трофимом Тимшиным-Шоринским), я, памятуя слова одного чеховского диакона, что «на свете все приблизительно, относительно и сравнительно», — все же должен заявить, что я не гений и живу я на Седанке.

Борис Бета.

¹ В личных интересах... действующее лицо (*лат.*).

Глава VI

Пора пролить некоторый свет на происходившие во Владивостоке события. Как ни запутывались факты, как ни нагромождались убийства, однако люди, вдумывавшиеся в происходившее, уже тогда поняли, что город стал ареной борьбы двух групп или двух шаек.

Так в чем же дело?

Во-первых, что это за мертвая голова? Зачем ее прячут в подполье, зачем убивают из-за нее кельнершу, зачем, наконец, голова «эвакуируется» в Харбин и там становится причиной нового убийства?

Самое главное:

— Чья, наконец, эта голова? Кому она принадлежала?

Ответим прямо. Около двух лет тому назад во Владивостоке упорно говорили о том, что чехи привезли в город препарированную формалином голову умершего от сыпного тифа великого князя. Князь жил инкогнито в Уфе. Говорили, что это — Михаил Александрович.

Чехи эвакуировались. О голове великого князя поговорили, поговорили и забыли. Но некая группа людей, имеющая связь с одной из иностранных миссий, секретно пребывающей на Дальнем Востоке, купила, будто бы, голову у ее обладателя, чешского унтер-офицера Яна Чжечки, за сравнительно небольшую сумму — 830 иен. Участником сделки был Глеб, яростно торговавшийся (он на этом хорошо заработал).

Далее предполагалось великокняжескую голову отправить в Европу и там продать... Кому?... Покупатели уже находились, вдовствующая императрица, которой было написано о голове, — за последние останки своего сына готова была дать огромную сумму.

Но кому доверить голову? Шайка, обладавшая ею, боялась отправить в Европу одного посланца. Он получил бы деньги и... скрылся бы с ними. Во всяком случае, он мог бы сделать это.

И вот вся шайка, состоявшая из шести человек, решила отправиться *in corpore*¹ в Данию, где пребывала Мария Федоровна.

Но для этого нужны были деньги. Это-то и послужило причиной того, что Глеб со своими подчиненными оказался во власти неких иностранцев. Те обещали дать денег в количестве, достаточном для путешествия всех шестерых, но потребовали от Глеба «работы».

И вот вся шайка, фактически, оказалась во власти иностранцев, избравших Харбин и Владивосток местом своих кровавых авантюр.

Конечно, остается еще много неясного. Во-первых, непонятна роль Локутовой. Как будто бы она была членом глебовской шайки и в то же время члены же шайки пытались ее убить.

В чем дело?

Это сейчас несколько объяснится.

Прежде всего, кто этот голодающий молодой человек, так неожиданно попавший в меркуловский застенок? Одна из глав романа указала на его связь со спасшейся чудом от смерти Локутовой?

Здесь позвольте мне вернуться опять несколько назад. Молодого человека, попавшего в лапы меркуловских контрразведчиков, звали Василием Ивановичем Зыбовым.

Он приехал во Владивосток в 19-ом году, во время «царствования» Колчака, делегированный сюда красноярской группой анархистов с поручением принять от владивостокских товарищей оружие, динамит и значительную сумму денег. Все это нужно было в Красноярске для борьбы с «колчаками». Но, явившись во Владивосток, Зыбов нашел местную организацию анархистов разгромленной.

Он хотел вернуться уже обратно, но тиф бросил его в больницу. Там он едва не умер. Но выздоровел, хотя не совсем. На почве тифа у него оказались парализованными ноги. Два года пролежал он в нервном отделении город-

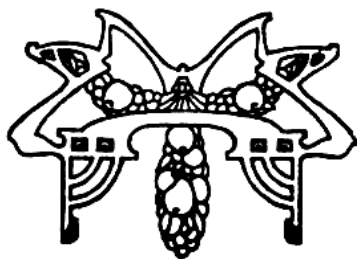
¹ В полном составе (лат.).

ской больницы и только в конце 21 года искусство доктора Гринберга вернуло ему способность пользоваться ногами.

Он вышел из больницы за месяц до событий. И на второй же день, случайно, встретил человека, к кому его делегировали красноярские друзья: это была Нина Георгиевна Локутова.

Локутова сказала товарищу, что он появился очень кстати. Она сейчас занята очень серьезным делом по ликвидации шайки авантюристов, которую содержит одна из иностранных миссий с целью вызвать в Харбине и Владивостоке невыгодные для России белые беспорядки.

Локутова действовала на свой риск и страх. Зыбов принял ее предложение помочь ей.

Глава VII-ая

Глеб выпрямляется

В боковуше при японской фотографии после выхода «господина Андрея» настала тишина. Старик-француз свернул толстую папиросу, докурил ее, — причем в комнате явно обозначился запах солдатского копорала, — и, весь в дыму, склонился к бумагам...

— Опять каска! — выкликнула с порога женщина в каракулевом мантио, порывисто вступая, — понимаете, опять он...

— Тут? — поднял голову француз.

— На пристани! С ним Ольга, — женщина опустилась на стул, подняла вуаль с бледного лица; лицо было привлекательно, оно выражало изнеможение. Женщина закрыла глаза, переводя дыхание.

Француз с шумом отодвинул стул.

— Дьявол, — пробормотал он, облачаясь в пальто с обезьяньим воротником, — ну, шуточки должны кончиться!.. — Он открыл ящик стола и вытащил Соваж, — идем, — кивнул он женщине. Прошуршала юбка — в комнате остался лишь неподвижно лежащий на полу Глеб.

Он быстро сел. Волосы его, его аккуратная лощеная прическа, была взлохмачена. Он прислушался. Определив полное спокойствие, он поднялся на ноги и метнулся к столу. Волосы свисли ему на бледный лоб, руки его дрожали, шаря в жестких воощеных бумагах, — он издал короткое восклицание и вытащил ближе к свету лампы голубоватый лист почтовой бумаги большого формата.

— Так, так, — бормотал он, складывая хрустящую бумагу и засовывая ее в боковой карман, — бумажник пустяк, в бумажнике лишь идиоты носят деньги и документы, но посмотрим, мосье Лезгилье, что вы будете пить, лишившись этой бумажки — посмотрим, черт поберет!

Он быстро одел пальто, нахлобучил шляпу. Но остановился в раздумии...

...Седобородый старик в бекеше из верблюжьего сукна, в бобровой шапке и со свертком в обычной коричневой бумаге прошел через лабораторию, через фотографию, не вызвав решительно никакого удивления со стороны японцев. На улице старик нанял извозчика — на Старо-Харбинское шоссе...

Глава VIII-ая

Господин Андрей, вас предупреждают

Молодой человек невысокого роста, названный в комнате при японской фотографии господином Андреем, подъехал на хорошем извозчике к кафе «Модерн» на Китайской улице. Расплатившись, он рысцой перебежал тротуар в дверь и — вступил в зал кофейни. Оглянувшись, он направился налево, там одиноко сидел утрюмый, похожий на борца, господин в зеленом пальто с котиком. Одутловатое лицо было украшено висячими рыжими усами, рачьи глаза смотрели хмельно.

— Ага, — сказал он, пожимая руку господину Андрею. — А Глеб?

— Глеб... ему нездоровится, — ответил с некоторой запинкой господин Андрей и придвинулся поближе к рыжему. — Вам известно — Локутовой нет уже?

— Неправда, — ответил рыжий, глядя на улицу.

— Как неправда? — сдвинул на затылок шляпу господин Андрей.

— А вот как, — и рыжий протянул ему мятую бумагу.

Это был телеграфный бланк. Руки господина Андрея вздрагивали, — он прочитал:

«Высылайте материал в адрес Кроткова. С Василием несчастье. Посоветуйтесь с доктором. Нина».

— Что за ерунда? — отозвался, наконец, господин Андрей. — Я ничего не понимаю!..

— А я так отлично все понимаю, — возразил спокойный рыжий господин.

— В чем дело, послушайте, Зеленый? — сказал господин Андрей почти умоляюще.

— А вот в чем, — ответил Зеленый, откашлявшись; поправившись на заскрипевшем стуле, он сделал значительные глаза, — но ему помешал официант:

— Господин Иванов, вас к телефону, — сообщил официант, почтительно склоняясь.

Некоторое время господин Андрей оставался в одиночестве. Он усиленно думал, а затем слазил за пазуху и достал бумажник, взятый им у Глеба; бумажник явно толст, он возбуждал любопытство. Но тяжелая рука легла на плечо любопытному и низкий голос Зеленого прохрипел на ухо:

— Господин Андрей, вас предупреждают.

Борис Бета.

Содержание предш. глав.

В городе произошло таинственное убийство богача, причем убийцы оставили записку с двумя буквами «Б. Б.». Авантюристы Глеб и Андрей купили у чехов голову вел. князя Михаила и увезли ее в Харбин. С ними борется героиня романа Нина Локутова. Помощником ее является Зыбов, попавший в лапы контрразведки. Ему удастся передать Нине через репортера записку с указанием своего местонахождения — в доме № 3 по Полтавской улице.

Глава IX

Еще два слова о репортере. Два «Б»

Самый запутанный из всех романов — это жизнь, роман, написанный роком, великим фантазером и великим насмешником, путающим все нити, как ему угодно...

В то время, как в Харбине протекала с внутренними осложнениями жизнь темных героев нашего романа, во Владивостоке события шли своим чередом.

Репортер, с которым читатель познакомился в одной из предшествовавших глав, был ошеломлен и очарован своей встречей с прекрасной таинственной девушкой, которую весь город считал убитой.

Надо сказать, что разговор журналиста с Ниной Георгиевной на самом интересном месте был прерван появлением зловещей старухи, уже знакомой читателям по дому на Матросской улице.

Старухе этой, по-видимому, почему-то не понравился репортер. Антипатия, впрочем, была, взаимной, и сухие костяшки пальцев, протянутые журналисту в виде приветствия, были противны, и скрипучий голос:

— Здравствуйте, молодой человек.

— Марковна, это мой знакомый — Петр Иванович, —

сказала Локутова деланно спокойно.

Журналист, зовущийся Николаем Николаевичем, понял, что протестовать нельзя: очевидно, девушка хотела скрыть от старухи все происшедшее.

Поэтому он только сухо поклонился и слушал молча, как Локутова говорила дальше, как будто продолжая начатый разговор:

— Итак, помните ваше обещание, Петр Иванович, завтра жду вас вечером к чаю...

Через две минуты, после нескольких незначительных фраз, журналист откланялся и зашагал по Светланке в свою редакцию, настроенный очень смутно.

Неудивительно, что весь вечер, все утро следующего дня привычные репортерские строчки танцевали в его голове какой-то странный танец: слегка косящие синие глаза Нины взмахивали между строк. Тонковатые, гримаской милой сложенные губки дразнили, как цветок фантастический и пряный. А остальное не помнил: мелочи туалета, прическа, все это ушло как-то в туман мужской ненаблюдательности. Ноготки шлифованные розовые еще помнил и запах духов, незнакомый и очень сильный.

Как же тут писать о сухих указах и распоряжениях?!

В этот день вся хроника в газете поражала бестолковостью.

А вечером он провел около часа перед зеркалом, макая в стакан воды гребенку, разделяя свою непокорную шевелюру на две стороны прямым английским пробором. Галстук выбрал самый пестрый, пиджачок почистил чаем, даже цветочек в петлицу не забыл...

Но все оказалось — напрасно.

На звонок у дверей «ее» долго не было никакого движения. Потом дверь приоткрылась, показалась морщинистая маска старухи.

— Нету, нету дома. Уехавши!

И дверь стукнула громко и сердито.

— Врет старая ведьма! — было первой мыслью обескураженного гостя.

Для выяснения истины пришлось проинтервьюировать дворника, сидевшего у ворот с величием живого Будды. Первый раз в жизни нашему приятелю случилось не получать за интервью, а платить; дал дворнику целый рубль.

На рубль тот рассказал много. Уехала, верно. Тайком от ведьмы уехала... Я и извозчика подряжал. Чемоданчик небольшой с ними был. А куда, не знаю. Известно, господа садятся без торгов: пошел, да и все тут. Хорошая была ба-рышня! А верталась домой очень поздно, и каждый раз мне — целковый...

И ушел журналист печально. Как сон было это появление в его серой жизни яркой загадочной девушки с синим взором слегка косящих глаз, со ртом, мечтающим о поцелуях нежных.

И заснул он сон этот странный — уехать пришлось в Никольск, к другим людям и делам.

Сошел на нет в романе.

Появится ли еще, Бог весть.

А Нина Локутова недалеко уехала.

У вокзала она отпустила извозчика, небольшой желтый чемоданчик сдала на хранение в камеру, вмещалась в толпу пассажиров, спешащих, толкающихся и болтающих...

Еще через десять минут она вышла снова из здания вокзала, в густой вуали — будто от пыли, и быстро свернула на 1-ую Морскую, и далее через пустынную Тигровую гору. По Кореysкой вышла к гостинице «Версаль».

Здесь она поднялась по лестнице, все с опущенной вуалью, и постучала у дверей номера с карточкой:

«М-ле Зизи».

— Entres!

Навстречу Нине Георгиевне полупривстала на широкой тахте женщина в розовом пеньюаре, красивая полуискусственной красотой.

— Ниночка!!

И m-lle Зизи заключила пришедшую в свои теплые большие объятия.

После первых приветствий и разговоров обо всем, о чем умеют говорить только женщины, Нина сказала:

— Милая Зизи, у меня к тебе большая, большая просьба. Познакомь меня с генералом Б.

— А разве твои дела так плохи? — в подрисованных глазах Зизи сверкнуло липкое любопытство.

Если б в комнате было светлее, она наверно заметила бы, что Нина сильно покраснела.

— Как тебе сказать... Во всяком случае, надеюсь, тебе генерал Б. не нужен?

Зизи весело засмеялась:

— О нет! с меня довольно моего полковника Б. Он помоложе, а денег тоже достаточно. Ха, ха, ха! это будет очень забавно: у меня господин Б. и у тебя будет Б.! Два Б.! Как бы не было... бебе!

Довольная своим каламбуром, Зизи долго смеялась, откинувши назад свою стильную голову. Все-таки она заметила на лице Нины какую-то тревожную мысль и поспешила наивно успокоить ее:

— Впрочем, насчет бебе, мы не так глупы! Не правда ли?

Содержание предш. глав.

В городе произошло таинственное убийство богача, причем убийцы оставили записку с двумя буквами «Б. Б.». Авантюристы Глеб и Андрей купили у чехов голову вел. князя Михаила и увезли ее в Харбин. С ними борется героиня романа Нина Локутова. Помощником ее является Зыбов, попавший в лапы контрразведки. Ему удастся передать Нине через репортера записку с указанием своего местонахождения — в доме № 3 по Полтавской улице.

Нина, симулируя для отвода глаз отъезд, идет к своей подруге т-ше Зизи и проси познакомить ее с начальником охраны генералом Б.

Глава X

«Почти любовь» и «почти смерть». Автомобиль в роли субмарины

Вечером этого же дня обе подруги сидели в отдельном кабинете ресторана — с генералом Б. и полковником Б. — столпами охраны. Шампанское пили усердно и коньяк. Генерал тряс белой бородой, смеялся всему жиденько, полковник ему вторил баском, но не без почтительности. Нина, казалось, была вполне довольна своим престарелым кавалером, а он — совершенно размяк под синим пламенем ее глаз, в сладком облаке женских духов.

Уже люстры начали слегка качаться, уже предприимчивее стали мужчины, как вдруг в дверь постучали. Солдат-посыльный вытянулся перед нахмурившимся генералом:

— Пакет-с, ваше превосходительство. Приказано в собственные руки.

Пока генерал распечатывал письмо с надписью «весьма секретно», не то электричество мигнуло, не то Нина обменялась взглядом с солдатом.

А генерал, прочтя, заскрипел ворчливо:

— Такая досада, господа, надо ехать в кабинет на Полтавскую улицу. Машина есть?

— Так точно, ваше п-ство!

— Папочка, возьми меня с собой! — нежно просила Нина, теплым взором растапливая колебание старого жандарма.

Мог ли он устоять?

Сели в автомобиль. Посыльный сел с шофером.

Дорогой Нина была совсем «паинькой»: и от руки дряхлой не отстранялась и от гнилого рта не отворачивалась.

Ласкова была она и в кабинете его превосходительства, что во втором этаже налево. Ни бумагами, ни делом генерала не интересовалась, не любопытствовала.

А он написал все, что требовалось, позвонил и отдал офицеру:

— Отнесите лично по назначению.

Нина была ласкова.

Старческие руки ходуном ходили, отыскивая крючки на корсаже, когда подсел к ней на широкий диван. А она слабо лишь, очень слабо протестовала:

— Не надо, не надо... услышат!

Дрябло засмеялся:

— Некому услышать, душечка! офицера дежурного я нарочно отослал. Во всем втором этаже мы с тобой одни, не считая этого дурака-анархиста рядом...

И рука сластолюбивая уже в кружевах тонких скользила, жадно разыскивая нежную девичью наготу.

— Не надо, не надо... Дверь... — девушка протестовала слабо.

— И дверь закрыл я, кошечка... никто... не придет...

— Хорошо, пусти на минутку, я сама...

Старик на минуту принял руки.

А в следующий момент... он автоматически поднял их вверх: прямо на него смотрела неприятная черная дыра маленького блестящего браунинга.

Нина смеялась совсем весело, как будто держала в руках забавную блестящую игрушку и играла в веселую игру:

— Так-так, ваше превосходительство, вы очень предупредительны, благодарю вас. Знаете, в таком положении ваши руки менее противны...

Только через минуту оледеневший генерал мог пролепетать:

— Что вы хотите от меня?

— Пустяк: ключ от соседней комнаты, где сидит Зыбов. Нет, нет, не беспокойтесь доставать сами — ваши руки заняты. Скажите только, где он?

Через две минуты ошалевший от радости Зыбов при помощи Нины Георгиевны связал шнуром от портьеры генерала, не помышлявшего о сопротивлении, и положил его навзничь на диван.

Смотря на него смеющимися глазами, Нина сказала:

— Благодарю вас за содействие, ваше превосходительство. На память о нашей встрече я дарю вам свой платок. Вы, помнится, выражали желание иметь его...

И «нежный сувенир» — тонкий надушенный платок Нины — был заткнут в рот «его превосходительства».

Зыбов же одел генеральскую шинель, сапоги со шпорами и фуражку. Не хватало только белой бороды, чтоб сойти за генерала.

Быстро пошли вниз, надеясь проскользнуть в полумраке коридоров мрачного здания.

Внизу за столиком дремал «цербер». Лампочка горела ясно. Заслышав шпоры, цербер вытянулся спросонок, но увидел странное в лице «генерала» и ухватил его за рукав.

Откуда-то вынырнул второй. Нину схватили за руки, не успела достать браунинг.

Истощенному молодому человеку и слабой девушке — как справиться с двумя дюжими шпиками? А тут еще открылась наружная дверь и вбежал третий.

— Погибли!..

Но вбежавший со странной ловкостью стукнул каким-то предметом по очереди одного и другого шпики, свалив их с ног, и крикнул:

— В автомобиль, живо!

Все трое почти упали в авто. В неожиданном спасителе читатель узнал бы «посыльного», принесшего пакет генералу.

Автомобиль рванулся вниз, круто повернул направо. Вслед грохнуло несколько выстрелов. Две пули впились в лакированное крыло.

Мотор мчался к Амурскому заливу.

Через полчаса вся охранка была поднята на ноги. Но автомобиль,— как в воду канул.

Один чудаковатый шпик, любитель природы, купавшийся в 12 часов ночи на Амурском заливе, клялся и божился, что автомобиль влетел в воду, где и скрылся. — За что и получил строгий выговор от начальства.

Опрошенные китайцы-джонщики в один голос заявили, что видели в эту ночь черта с огненными глазами, который живет под водой.

Г. Травин.

КОММЕНТАРИИ

«Белый» Владивосток прекратил свое существование 25 октября 1922 года, когда в город вступили части Народно-революционной армии Дальневосточной республики. В середине ноября, после самороспуска Народного собрания, рабочих митингов и дружных требований «воссоединения» с Советской Россией, перестала существовать и ДВР.

В начале 1923 года демократическая пресса бывшей ДВР доживала последние месяцы. В ноябре-декабре 1922 г. были закрыты газеты «Мир» и «Руль», в феврале 1923 – «Волна». Дольше других, до сентября, продержалась газета «Голос Родины».

«Новой вечерней газете» под редакцией С. П. Наумова предстояло закрыться в мае 1923 года. Однако в январе-феврале газета еще успела напечатать 10 глав авантюрно-шпионского детектива «Тайны Безымянной башни». Среди авторов этого захватского коллективного романа были сам Наумов, поэт Г. Травин и два уже хорошо известных во Владивостоке литератора – Арсений Несмелов (А. И. Митропольский, 1889-1945) и Борис Бета (Б. В. Буткевич, 1895-1931).

Оба – бывшие белые офицеры, друзья и литературные соратники, в 1922 г. совместно участвовали поэмами в нашумевшем владивостокском сборнике «Парнас между сопок». К 1923 г. Несмелов – автор книжки «Военные странички» (1915), вместившей очерки и стихотворения, книги «Стихи» (1921) и вышедшей отдельным изданием поэмы «Тихвин» (1922), экс-редактор газеты японского командования «Владиво-Ниппо» и журналист без редакции... Летом 1924 г. Несмелов бежал из Владивостока, стал виднейшим поэтом «русского» Китая, в августе 1945 г. был арестован в Харбине и умер в начале декабря 1945 г. на полу пересыльной тюрьмы в Гродеково.

Борис Бета довольно широко печатался во владивостокской прессе. Он также эмигрировал в Китай, бродяжничал, скитался, побывал в Юго-Восточной Азии и на Ближнем Востоке, работал портовым грузчиком, судовым кочегаром. Его прозу замечали и отмечали И. Бунин, В. Ходасевич, Н. Берберова. Но, в отличие от Несмелова, этот одаренный прозаик и поэт не выпустил за свою жизнь ни единой книги. Борис Бета умер в нищете на койке марсельской больницы в 1931 г.

События романа датируются легко: это период между маем 1921 и летом 1922 г., когда во Владивостоке в результате «белого» восстания власть находилась в руках Временного Приамурского правительства во главе с С. Д. Меркуловым (возведение памятника именно этому «почетному гражданину» обсуждается на заседании Городской думы в главе III). Часто упоминаемый в романе адрес «Полтавская № 3» – «меркуловская» контрразведка (этот адрес, к слову, использован как название нескольких главок в книге Ю. Семенова «Пароль не нужен» – первом романе писателя, где появился пресловутый разведчик Исаев-Штирлиц).

Читатель, никогда не бывавший во Владивостоке и не интересовавшийся жизнью этого города в период Гражданской войны, едва ли оценит прочий «местный колорит». Однако вряд ли имеет смысл пускаться в долгие объяснения городской географии в духе того, что «Светланка или Светланская – центральная улица Владивостока», а «гостиница “Версаль” была построена в начале XX века и некогда являлась самой фешенебельной в городе». Стоит, пожалуй, лишь сказать несколько слов о подарившей роману название Безымянной батарее. Это – известный с 1862 г. пост береговой артиллерии, в 1899-1901 гг. перестроенный в бетонную позицию с подземными погребам и орудийными дворами, а позднее пришедший в упадок (в настоящее время – часть музея «Владивостокская крепость»).

Немало в романе и упоминаний различных представителей литературно-журналистской среды Владивостока начала 1920-х гг.; смысл некоторых из этих аллюзий сегодня восстановить достаточно трудно, если вообще возможно. Авторы развлекались вовсю, поддразнивая и коллег по цеху, и друг друга. Вот Бета упоминает «известного всему городу профессора» с кьеркегоровским псевдонимом «Виктор Эремита» – философа Л. А. Зандера (1893-1964), кстати говоря, и в самом деле корреспондента А. М. Ремизова; вот подтрунивает над литератором и философом В. Н. Ивановым (1888-1971), еще одним участником «Парнаса между сопок», будущим эмигрантом в Китае, вероятным советским агентом, затем «возвращенцем». Вот А. Несмелов подшучивает над Бетой, превращая его в персонажа романа, молодого «бездельника», детектива-любителя и одурманенного поклонника «китайского “самовара”» (можно смело полагать, что речь идет отнюдь не о еде, приготовленной в китайском котле-хого...) Бета в долгу не остается: «Пусть на Фоккере летает в позднее время в Улисс Арсений Несмелов, если, однако, выдержит это путешествие его лирическое сердце».

Улисс — бухта на южном побережье Владивостока, описанная в стихотворениях Несмелова. ««Жизнь в городе мне стала не по карману. Я перебрался за Чуркин мыс, за сопки, в бухту Улисс. Где жить, мне стало уже безразлично. У бухты этой было, по крайней мере, красивое имя. Рядом с моим домиком, еще выше в гору, находилось кладбище, и на нем в двух лачугах ютились сестры женского монастыря. При монастыре жил батюшка, восьмидесятилетний слепой священник, все еще отправлявший требы. Я любил слушать, как он служит на могилах» — вспоминал Несмелов. «Зимой я стал жить тем, что, пробив луночку во льду бухты, ловил навагу. Профессия, ставшая модной во Владивостоке среди “бывших”. Моим соседом по луночке был старый длинноусый полковник. Таскали рыбку и ругали большевиков, а десятого числа каждого месяца являлись вместе в комендатуру ГПУ, коей были взяты на учет».

А рядом в главке Беты — «субмарина ждет давно у подножья Безымянной батареи Н. В. Кока». О фельетонисте Коке-Панове, редакторе «Руля», расстрелянном в 1924 году, также вспоминал Несмелов. Субмарина Кока не дождалась. Не эта ли фраза Беты промелькнула в памяти Несмелова, когда он писал в харбинских стихах 1942 г. о «затонувших субмаринах»?

Шутливый и оборванный буквально на полуслове роман сохранил дух этих небывалых и жестоких лет — и много больше. Хотя авторы прекрасно отдавали себе отчет, что пишут развлекательную газетную прозу, некоторые строки дышат подлинным вдохновением. «Приателям довелось принять рассеянный вид “космополитов, эстетов и поклонников искусства”, — созерцать залив поодаль» — забавляется Бета. А дальше:

«Простертая внизу водная нива была темна окраской в этот пасмурный час. Пена валов всплывала здесь и там, темный парус шаланды качался, отдаваясь медленно, но неуклонно...»

Роман «Тайны Безымянной батареи» был впервые опубликован в «Новой вечерней газете» (Владивосток) в январе-феврале 1923 г.: № 63, 24 янв. (предисловие и пролог), № 66, 27 янв. (гл. I), № 68, 30 янв. (гл. II), № 69, 31 янв. (гл. III), № 72, 3 февр.

(гл. IV), № 73, 5 февр. (гл. V), № 77, 9 февр. (гл. VI), № 78, 10 февр. (гл. VII-VIII), № 79, 12 февр. (гл. IX), № 80, 13 февр. (гл. X).

Текст публикуется по первоисточнику с исправлением наиболее очевидных опечаток; орфография и пунктуация приближены к современным нормам. Произведение разыскал и вернул читателям А. А. Степанов.

М. Ф.

В издательстве

SALAMANDRA P.V.V.

готовится к изданию

собрание прозы и стихотворений

БОРИСА БЕТЫ

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.